

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА -- 1924 г. — ЛЕНИНГРАД**

зависит от его парода, и каждый из нас должен (!) сознать важность роли, которую ему придется играть?»

Обильная фразеология скрывает, однако, в себе много полезного, в смысле информации, и может быть некоторым комментарием к China Year Book 1921/22. Но и только!

В. Алексеев

● *Madame Juliette Adam* (Juliette Lamber) *L'Angleterre en Egypte*. Paris 1922. 80, страниц 416.

Книга принадлежит известной политической и общественной деятельнице, журналистке, долгое время издававшей собственный орган «Новое Обозрение». Ее первые выступления, обратившие внимание Европы, «в защиту угнетенных наций» относятся еще к 70-м годам: объекты ее интереса неоднократно менялись, но неизменным оставался живой отклик на обращенный к ней зов и умение идти вровень с событиями. Новая книга служит этому очень хорошим подтверждением. Египет близко привлекал симпатии Ж. Адам с 80-х годов после английской оккупации, но особенный толчок к интересу дало личное знакомство в 1895 году с Мустафой Кямилем, будущим основателем национальной партии, до последнего времени игравшей важную роль. В 1904 году Адам посетила Египет и, таким образом, почти в течение 50 лет с напряженным вниманием следит за его судьбой. Национальная партия, особенно на первых шагах, немало обязана ее содействию, как неоднократно заявлял и Мустафа Кямиль.

Книга преследует вполне определенные задачи: цель ее — защита Египта с политической точки зрения» (стр. 12). Научного значения она, конечно, не имеет. Исторические экскурсы в область древнего Египта иногда могут вызвать улыбку; повторяется и отвергнутая наукой легенда о сожжении александрийской библиотеки Омаром (стр. 11). Нельзя требовать от нее и научной объективности: слишком близки все события последнего времени и слишком близкое участие принимал в них автор.

Значение ее — в первостепенном материале, приводимом в виде различных документов, писем, журнальных статей о Египте за последние 30—40 лет. Если очерк истории Египта до 80-х годов и в первое время после оккупации достаточно бледен и лишь выдержанного плана, то личные воспоминания о Мустафе Кямиле и создании национальной партии играют роль очень важного источника. Во многом они дополняют письма М. Кямиля и Ж. Адам, которые были изданы в 1909 году в Каире с арабским переводом. Такое же значение имеют документы по истории Египта после 1914 года; в приложении приводятся целиком и меморандум Мильнера 18 августа 1920 г., и Керзона 10 ноября 1921 г., равно как соответствующие заявления

официальной делегации. Полностью во французском переводе дана и английская белая книга со всей дипломатической перепиской, предшествовавшей снятию протектората с Египта 28 февраля 1922 г., и объявлению его королевством. Помимо приложения, вся часть книги, посвященная этому периоду, содержит очень много данных и подлинных документов, впервые попадающих в Россию. Для установления правильного хода событий она будет очень полезна уже тем, что даст возможность внести некоторые коррективы в материалы с более распространенной английской точкой зрения.

И. Кр.

● *Abû Dolâma. Poète bouffon de la Cour des premiers Califes abbassides par Mohammed Ben Cheneb*. Alger 1922. 80 стр. 168.

Одна из французских диссертаций, о которых была речь в прошлом номере «Востока» (стр. 167), в настоящее время получена в Петрограде. Тема выбрана удачно и представляет интерес не только для узкого круга специалистов по арабской поэзии, но и для всех желающих ближе познакомиться с культурной жизнью халифата накануне его расцвета. Абу Дуляма стоит на рубеже двух династий — омейядской и аббасидской, при которой протекло около 25 лет его жизни (ум. в 777 г.); эпохи Харуна ар-Рашида он уже не дождался. По своему облику личность его мало симпатична: он представлял тип распущенного придворного шута, все помыслы которого направлены на подачки. Прodelки окружают его ореолом бродячего литературного типа, такого же как Ходжа Насреддин или Джуха; историчность их очень часто подвержена сомнению, так как с одинаковой легкостью они приписываются разным лицам. Самые анекдоты, однако, очень живо рисуют эпоху со всеми ее неприглядными сторонами морального упадка в городских крупных центрах. Для поэзии они дают меньше: Абу Дуляма звезда не первой величины, и среди его современников нам известны более славные имена, более благодарные для литературного анализа. В полном отсутствии таланта его обвинить, конечно, нельзя, и, например, чертами неподдельного юмора он, несомненно, превосходит многих известных нам поэтов того же периода. Живой рассказ про купленную в долг невольницу (№ 44) заставляет забыть и про то, что цель его — получить средства на уплату этого долга; знаменитое описание мула, объединявшего в себе все пороки (№ 45), трудно читать без улыбки.

Перед автором диссертации — природным арабом, известным уже ученым и профессором в Алжирском Медресе, стояла трудная задача: дивана (собрания стихотворений) Абу Дулямы до наших дней не сохранилось, и его отрывки приходилось собирать

по различным источникам. Большая начитанность позволила ему объединить около 30 отрывков, составляющих больше 270 стихов — материал, вполне достаточный для суждения о личности и творчестве. Главное внимание обращено на биографию поэта (стр. 19 — 102), меньшее — анализ стихотворений (103 — 129). В приложении дан текст собранных отрывков (131 — 160); все они переведены в соответствующих местах исследования. Работа производит вполне добросовестное и серьезное впечатление; с основной мыслью автора, что лишь путем аналогичных монографий выработается научная история арабской литературы, нельзя не согласиться. Для аббасидского периода, благодаря его труду, мы делаем шаг вперед.

И. Кр.

● *H. Lammens, S. J. La Syrie. Précis historique. Volume I—II. Beyrouth, 1921. 12^o, стр. X + 280 + 278.*

Среди богатой уже литературы, вызванной интересом к странам ближнего востока в связи с событиями последних лет, книга Лямменса по праву займет одно из первых мест. Она одинаково интересна и как результат самостоятельной разработки отдельных вопросов или исторических периодов, и как живо написанный учебник, и как едва ли не первое связное изложение истории Сирии за последнее десятилетие. Автор — один из крупнейших авторитетов по истории Сирии за омейядский период; его работы в этой области по заслугам ставятся на одну лицию с трудами Вельхаузена, Медникова, Каэтани. Он не меньший знаток Мухаммеда и ранней истории ислама, — один из тех, чьи труды знаменуют первый крупный шаг вперед в исламологии после Гольдциера. Нельзя не вспомнить и мастерской дар изложения, одинаково свойственный ему и в строго специальных исследованиях, и в популярных обзорах. Постоянное внимание к культурно-бытовой стороне истории поддерживает интерес и случайного читателя; иллюстрирующие цитаты из арабских и европейских первоисточников умело оживляют изложение, дающее местами художественные картины. Для данной работы большим преимуществом является и то, что Лямменс — уроженец Сирии. Бельгиец по рождению, он уже с 80-х годов живет в Бейруте, который кроме случайных поездок покидал только на несколько лет для Каира и Рима, где был некоторое время профессором библейского института. О событиях последних лет в Сирии он может говорить поэтому, почти как очевидец, и это придает соответствующей части книги двойную цену.

Материал, доставляемый ему, в некоторых отношениях уже заглавля, в других — нет. Это — история Сирии собственно в мусульманский период: всему предшествующему периоду, начиная с третьего тысячелетия до Р. Хр., посвящено только

29 страницек. В дальнейшем зато мы находим целый ряд глав, которых от обычной истории Сирии нельзя было бы требовать. Эта часть открывается мастерской характеристикой до-исламской Аравии, которой посвящен один из капитальных трудов автора; в общих чертах излагается история Мухаммеда и первоначального распространения ислама. Только с завоеванием Палестины и Сирии автор сосредоточивается на поставленной в заглавии теме. Центром его изложения является период омейядов, и эти главы книги — едва ли не лучшие во всем труде. Здесь очерчена вся культурная и экономическая жизнь эпохи; отчетливо обрисована и выснена постепенная исламизация и арабизация страны. От периода аббасидов почти до крестовых походов Сирия оказывается в положении провинциальной области; к этому отделу Лямменс приурочивает характеристику общей эволюции ислама с развитием его догмы и появлением различных сект. Крестовые походы он считает первым этапом проникновения «Франкского» элемента на арабский восток и поэтому обрисовывает ранние фазисы еще в предшествующую эпоху, начиная от сношений с Европой при Карле Великом. Период крестовых походов — такая же яркая глава книги, как и эпоха омейядов. Второй том посвящен последующим векам с подчинением Сирии первоначально Египту, затем Турции. Среди многочисленных местных династий за это время Лямменс особенно выделяет манидов с фигурой знаменитого Фахр-ад-дина (1585 — 1635), хорошо знакомого Европе той эпохи. В попытке его объединения Сирии автор видит идею осуществленного позже «великого Ливана» и формулировку «полной программы ливанского национализма». Изложение дальнейших судеб Сирии и особенно Ливана в XIX и XX веке будет прочтено и не специалистами с особенно живым интересом. Здесь затрагиваются вопросы, уже близкие к современности: французское влияние с 1860 года, различные политические течения в Турции, период младотурков и развитие пантуркизма или туранизма, пробуждение арабского национализма, события 1914 — 1918 года, операции маршала Алленби, «авантюра» Файсая, занятие французами Дамаска 25 июля 1920 г., образование сирийской конфедерации и великого Ливана 20 июня 1921 г. с мандатом Франции.

Вся книга проникнута некоторыми общающими идеями, которые проходят через все произведение, как своеобразные лейтмотивы. Одной из них является положение об историческом единстве Сирии (вместе с Палестиной); нарушение этого единства влекло, по мнению Лямменса, расстройство в нормальном развитии, и, наоборот, получение самостоятельности Сирией содействовало проявлению всех заложенных в ней возможностей. Свою теорию Лямменс старается подтвердить доказательством, как

территориального единства страны, ограниченной морем, горами и пустыней, так и единством этнического состава, проявление которого он видит в ассимиляции чуждых элементов. Если эта основная идея его работы требует все же дальнейших обоснований, несмотря на соблазнительную внешность, то еще более шатка вторая — об исключительности благотворительных результатах «франкского» влияния на арабском востоке. Относительно эпохи крестовых походов Лямменс, быть может, даже несколько односторонне подбирает доказательства, пользуясь одними сообщениями путешественника Ибн Джебейра, но оставляя в стороне другие сообщения его же или почти современного ему Усамы ибн Мункуза.

Таким образом, при чтении книги надо помнить не только про то, что она написана выдающимся ученым, но и про то, чем она была вызвана и какие цели преследовала. По инициативе генерала Гуро в Сирии в 1920 — 1921 году предполагалось устроить краткосрочные курсы для офицеров-администраторов. На этих курсах Лямменсу было предложено прочесть ряд систематических лекций по истории ислама, Сирии и французского проникновения на восток. Малое количество отведенных лекций заставило объединить изложение в одну схему. Курсы не состоялись, но подготовленный для лекций материал дал Лямменсу возможность выпустить настоящую книгу. При тройной предстоявшей ему задаче делается понятной известная непоследовательность плана, которая была отмечена. Определенная французская ориентация сказывается в том, что роль французского воздействия на Сирию представлена в слишком ярком свете сравнительно с общим масштабом европейского влияния. Совершенно затусована роль Италии, в сущности подготовившей дорогу для Франции в 60-х годов. В книге общего характера нельзя было бы не отметить значения для Сирии непосредственной связи со средневековыми итальянскими торговыми республиками, деятельности итальянских францискан, влияния различных коллегий в Риме и т. д. Не мог автор отрешиться и от известных политических пристрастий при оценке событий последней войны и восстановления Сирии. Военная деятельность английского генерала Алленби систематически затеняется для выдвигания на первый план роли французского отряда под начальством капитана Пизани; личность эмира Файсала (нынешнего короля Месопотамии) обрисовывается с плохо скрываемым недоброжелательством, иногда прямой насмешкой и т. д. Темперамент автора здесь оказывается сильнее объективности ученого, но едва ли в современной истории можно найти книгу очевидца рассказываемых событий, которая не выдавала бы тех или иных симпатий писавшего ее лица. Имеющему в виду это обстоятельство не трудно будет учесть

абсолютное достоинство книги; несомненно, что с указанной оговоркой новую работу Лямменса можно признать лучшим в настоящее время общим очерком истории Сирии от седой древности до 1922 года.

И. Кр.

● *P. J. André. L'islam et les races. Tome premier. Les origines, le tronc et la greffe. Paris (Paul Geuthner) 1922. 8° XXVI + 270.*

Франция всегда была богата так называемой «колонизальной» литературой по мусульманскому востоку. Главными ее поставщиками и потребителями являлись обыкновенно деятели в находящемся под протекторатом Франции областях: офицера, администраторы, дипломаты. Из многих вырабатывались впоследствии солидные ученые, и немало представителей Collège de France или Школы Живых Восточных Языков прошло в молодости этот стаж. Преимущественно их трудами обязана своим богатством литература по Алжиру или Марокко; в тех случаях, когда они касались известных им областей или сообщали личные наблюдения, наука от этого только выигрывала. К сожалению, нигде так, как в той же колонизальной литературе, не развито стремление к широким обобщениям по истории ислама, к новым теориям, захватывающим не только хорошо знакомые автору области, но и требующим большой предварительной работы и полного знакомства со всей научной литературой не только на французском языке. Обыкновенно научное значение таких работ, в противоположность личным наблюдениям автора, совершенно ничтожно.

Эта колонизальная литература особенно разрослась за последнее десятилетие, и ярким образчиком ее отрицательных сторон может служить настоящая книга, хотя автор обладает большими положительными данными для другого рода работ. Из нескольких рекламного предисловия Henri Froidevaux мы узнаем, что в 1909—1910 году он работал в аджирской Сахаре и на границах с Марокко, в 1911—1912 г. у африканских и аравийских берегов Индийского океана от Маската до Занзибара и страны Наталь, в 1913—1915 г. в Марокко, где изучал область Таза и, наконец, в 1919—20 г. в Киликии во время ее оккупации французами. Ему принадлежат несколько работ географического, этнографического и политического характера, которые, по отзывам специалистов, принесли пользу для знания с соответствующими областями.

Данная книга должна, судя по предисловию, представлять руководство преимущественно для колонизальных деятелей по вопросам, связанным с мусульманским миром в его настоящем (стр. IX—X). Однако, построение задумано автором едва ли удачно: он предполагает осветить историю мусульманских сект, как отражение различных